

Щелок Т. И. Эпитеты в рассказе «Der große Wildenberg» Зигфрида Ленца / Т. И. Щелок // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 181—196. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-181-196.

Shchelok, T. I. (2021). Epithets in Story “Der große Wildenberg” by Siegfried Lenz. *Nauchnyi dialog*, 4: 181-196. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-181-196. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-181-196

**Эпитеты в рассказе
«Der große Wildenberg»
Зигфрида Ленца**

Щелок Татьяна Ивановна
orcid.org/0000-0002-6512-9783
кандидат филологических наук, доцент
ttschelok@rambler.ru

Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический
университет имени В. М. Шукшина
(Бийск, Россия)

**Epithets in Story
“Der große Wildenberg”
by Siegfried Lenz**

Tatiana I. Shchelok
orcid.org/0000-0002-6512-9783
PhD in Philology, Associate Professor
ttschelok@rambler.ru

Shukshin Altai State University
for Humanities and Pedagogy
(Biysk, Russia)

© Щелок Т. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению эпитетов, использованных современным немецким писателем Зигфридом Ленцем для выстраивания сюжетной линии и создания образов своих героев в рассказе «Der große Wildenberg», раскрывающем общественные проблемы, разочарования, переживания и страхи простого человека, ожидающего встречи с высокопоставленной персоной. Новизна исследования видится в том, что в данной работе с особым вниманием анализируются и описываются эпитеты, служащие средством реализации художественного пространства, определения места в нем и формирования представлений о главном действующем лице — как заявлено в заголовке «великом Вильденберге». Показано, как на протяжении всего рассказа с помощью характеризующих слов порождаются, поддерживаются и в конце неожиданно рушатся авторитет, величие и власть Вильденберга, что обманывает ожидания читателя. Актуальность связана с выявлением функциональных и структурных особенностей имеющихся в произведении эпитетов. Обнаружены следующие типы уточняющих лексем: изобразительные и эмоциональные эпитеты; эпитеты с прямым значением и тропические; оценочные и психологические эпитеты; простые и расширенные эпитеты; свободные и входящие во фразеологические единицы эпитеты; общеязыковые эпитеты.

Ключевые слова:

эпитет; функции эпитета; типы эпитетов; художественное произведение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the epithets used by the modern German writer Siegfried Lenz to build a storyline and create images of his characters in the story “Der große Wildenberg”, which reveals social problems, disappointments, worries and fears of an ordinary person waiting for a meeting with a high-ranking person. The novelty of the research is seen in the fact that the epithets that serve as a means of realizing the artistic space, determining the place in it and forming ideas about the main character — as stated in the title “the great Wildenberg” is analyzed and described with special attention in this work. It is shown how, throughout the story, with the help of characterizing words, the authority, greatness and power of Wildenberg are generated, maintained and at the end unexpectedly collapsed, which deceives the reader’s expectations. Relevance is associated with the identification of functional and structural features of the epithets available in the work. The following types of qualifying lexemes were found: pictorial and emotional epithets; epithets with direct meaning and tropical; evaluative and psychological epithets; simple and extended epithets; free and included in phraseological units epithets; common language epithets.

Key words:

epithet; functions of the epithet; types of epithets; work of fiction.

Эпитеты в рассказе «Der große Wildenberg» Зигфрида Ленца

© Щелок Т. И., 2021

1. Введение

Актуальность темы исследования обусловлена изучением и описанием эпитетов, использованных современным немецким писателем, новеллистом и драматургом Зигфридом Ленцем в одном из его коротких рассказов, относящихся к классическому — хронологическому — стилю повествования. «Der große Wildenberg» — произведение, рассказывающее о реалиях жизни, об абсурдности бытия, проблемах общества и вовлеченности в них человека. В этой ситуации представляется интересным выявление и анализ лексем, уточняющих и характеризующих описываемое. Кроме того, в самом названии рассказа также присутствует эпитет, который — при первоначальном прочтении заголовка — вызывает в сознании читателя определенный образ главного героя, обладающего, казалось бы, величием, силой и прочими положительными качествами, выделяющими его из ряда других людей. С языковой точки зрения достойны внимания лексические единицы, использованные автором для создания сюжетного пространства и образа Вильденберга.

2. Эпитет как объект лингвистического исследования

Невозможно представить себе художественные произведения без слов, наиболее точно, ярко, при необходимости эмоционально, образно и насыщенно отражающих авторское видение описываемой ситуации. Эпитеты, пожалуй, являются наиболее часто употребляемым стилистическим средством в литературе благодаря своей уникальности: одно-единственное меткое слово способно обогатить речь, изменить отношение к прочитанному, понять замысел пишущего, почувствовать его настроение и т. п.

Изучению слов указанного типа в различных языках посвящено много работ. Так, Р. П. Козлова пишет об эпитете как неотъемлемом элементе русской языковой системы, в связи с чем его необходимо исследовать только в сочетании с другими словами, поскольку именно в этом случае раскрывается его «смысловая многогранность», вся «гамма его красок и оттенков», все «смысловые приращения» [Козлова, 2001, с. 8]. Автор указывает на «подвижность семантической структуры» [Там же, с. 9] эпитета, благодаря которой становится возможным варьирование смыслов в зависимости от контекста: своеобразие эпитета раскрывается на фоне системных связей. Смысл стано-

вится доступным для понимания только благодаря своему материальному воплощению в знаке в пространстве контекста [Исаева, 2013, с. 30].

Т. М. Фадеева рассматривает сложный эпитет в русском языке в качестве основного средства, «ядерной единицы» [Фадеева, 2011а, с. 47], способствующей реализации художественного пространства посредством выполнения роли «концептуального, эмоционального и эстетического определения предмета (в широком понимании)», сжатого представления его значимых признаков, актуализации в пределах имеющегося контекста «изобразительно-выразительного потенциала определяемого» [Фадеева, 2014, с. 10]. Автор отмечает «стилеобразующий характер» сложных эпитетов в текстах, продуцируемых языковой личностью [Там же, с. 15]. В данном контексте уместно упоминание об окказиональных словах означенного типа, нашедших отражение в произведениях писателей и поэтов благодаря их словотворчеству и богатым словообразовательным возможностям языка [Горелкина, 2010; Фадеева, 2010; Фадеева, 2011б]. Именно такие эпитеты придают стилю языковой личности ее индивидуальные черты.

Цвет в жизни каждого народа играет важную роль, получая символическое значение, выражая «субъективное мировидение» [Фадеева, 2011в, с. 45]; цветовые эпитеты образуют специфическую группу колоративной лексики. Эпитеты-цветономинанты, по мнению Т. М. Фадеевой, отражают национальный менталитет и представляют «интеллектуальную или эмоциональную авторскую оценку» [Фадеева, 2011в, с. 45]. Р. В. Корякина также интересуется особенностями семантики и функционирования эпитетов-цветообозначений, но уже в героическом эпосе олонхо, считающемся древнейшим искусством якутов и повествующем о прародителях людей. Исследователь приходит к выводу, что слова, характеризующие цвет, частотны в эпосах [Когуткина, 2018]. К. И. Масленникова отмечает важные функции цветových эпитетов — поэтизацию и метафоризацию текста: «Цветовой эпитет позволяет создать гармонию и контраст, подчеркнуть возвышенное и низменное и служить эффективным средством создания идеала» [Масленникова, 2010, с. 183].

Человек воспринимает в окружающем его мире, безусловно, не только цвета: он стремится описать увиденное в природе, наделяя его при этом антропоморфными чертами. Используемые в данном случае определения показывают, «как человеческое мышление переносится на отдельные объекты или явления» [Белова, 2015, с. 10], как автором ощущается и передается эмоциональное состояние этих объектов или явлений.

А. И. Попова на материале французского языка делает выводы о «зрительности» и «незрительности эпитетов»: существуют слова, «описывающие зрительно воспринимаемые качества, а также зрительные образы»

(прилагательные, связанные со светом и цветом) [Попова, 2008, с. 356], и слова, отражающие внутренний, а не зримый мир, «портрет темпераментов» [Попова, 2008, с. 359]. При этом «зрительные» эпитеты являются большей частью нейтральными и общепонятными в отличие от «психологических», в качестве которых могут выступать редкие слова. Как представляется, к последней из названных групп можно отнести перцептивные синестетические эпитеты, способствующие вербализации внутреннего мира человека и его опыта [Иванова, 2017].

Т. К. Бадалова изучает поэтику эпитетов в лирике Махджура Ширвани, азербайджанского поэта 18 века, и приходит к выводу, что присутствие слов данного класса в стихотворных произведениях зависит от целей и мыслей, которые поэт желает донести до адресата, от его личного отношения к описываемым образам и воздействует на духовный мир читателя. Именно яркие и притягательные эпитеты помогают поэту точно передать свои мысли, вызвать соответствующее настроение у читающего или слушающего [Баталова, 2011]. С. Е. Молчанова также отмечает, что эпитеты способствуют динамическому развитию сюжета, задают тональность и формируют эмоциональный фон художественного произведения [Молчанова, 2015].

О. Л. Любовская анализирует типы семантических отношений, присутствующих в двуступенчатых эпитетах английского языка, и возможности передать их на русский. Предлагаемая автором классификация раскрывает «индивидуальную морфолого-синтаксическую структуру» [Любовская, 2011, с. 134] эпитетов, придающую им высокую степень интенсивности и оценочно-экспрессивной коннотации. При этом, как обнаружено, достаточно сложно в полном объеме, без уменьшения или изменения семантической емкости, передать на переводящем языке все составляющие значения и образности двуступенчатых характеризующих слов.

Так, упомянутые работы представляют результаты исследований лингвистами эпитета как явления и закономерностей его функционирования, прежде всего, в художественном тексте и отражают далеко не весь спектр вопросов, связанных с изучением данного феномена. Продолжается обсуждение понятия «эпитет». На сегодняшний день, как известно, принято рассматривать названный термин в широком (любое определение может быть эпитетом) и узком (только определение с экспрессивно-эмоциональной и смысловой нагрузкой может быть эпитетом) понимании [Байбулатова, 2009]. В этой работе за основу принят первый из названных подходов.

3. Эпитеты в рассказе «Der große Wildenberg»

«Der große Wildenberg» [Deutsche Kurzprosa] — рассказ, написанный в 1958 году одним из наиболее прославленных и наиболее читаемых не-

мецких авторов послевоенного времени Зигфридом Ленцем. Основная проблема, которой посвящено данное произведение, — обманутые ожидания, переживаемые простым человеком перед встречей и во время разговора с потенциальным работодателем. Автор достаточно детально описывает ситуацию и все сложности, которые пришлось пережить его героям, прежде всего рассказчику, от лица которого ведется повествование, вследствие чего содержательно текст можно разделить на несколько частей: 1) получение рассказчиком письма, согласно содержанию которого он должен явиться на собеседование на фабрику, и первый неудачный визит на возможное место работы; 2) вторая попытка пройти на фабрику и встреча с доктором Сетцки, радушно встретившим рассказчика и проводившим к другому сотруднику; 3) встреча с доктором Петерсенем, «открывшим двери» к своему начальнику; 4) долгожданная встреча с Вильденбергом. Каждому из этих этапов соответствует определенный набор эпитетов, помогающих понять и почувствовать настроение рассказчика. Безусловно, характеризующие слова могут выражать как эксплицитную, так и имплицитную модальность, имея при этом различную семантическую направленность в зависимости от ситуации: «В одних случаях Зигфрид Ленц заинтересован эксплицитно выразить свою мысль, однозначно и вербально называя факты, а в других случаях он прибегает к импликациям, то есть намеком, подсказкой, косвенным обстоятельством помогает читателю правильно понять смысл излагаемого» [Свидерская, 2004, с. 10]. Эпитеты занимают значимое место в структуре текста, давая автору возможность самовыражения.

Итак, повествование начинается предложением, давшим главному герою веру в положительные изменения в его жизни:

(1) *Mit dem Brief kam **neue** Hoffnung* / С письмом появилась **новая** надежда (здесь и далее перевод наш. — Т. Щ.).

Эпитет *neu* указывает на внезапное ожидание блага, на перспективы осуществления желаемого, на переживаемые волнующие моменты и рождение радостного внутреннего состояния рассказчика. Однако эта «новая надежда» покидает его спустя лишь несколько мгновений — после прочтения письма:

(2) *Er war nur **kurz**, enthielt keine Anrede, er war mit **gleichgültiger** Höflichkeit diktiert worden* / Оно было **кратким**, без обращения, продиктованным с **равнодушной** вежливостью.

Прилагательное *kurz*, характеризующее объем письма, как представляется, коррелирует с вышеописанным эпитетом *neu*, указывая на практически полное крушение ожиданий, быструю смену событий в жизни, на зависимость от других людей и обстоятельств, на мимолетность и неоправдан-

ность надежды на лучшее будущее. Это же впечатление усиливает эпитет *gleichgültig*: пишушему абсолютно все равно, кто и в каком эмоциональном состоянии читает его послание, он просто выполнил свою работу и ему не важны последствия. Несмотря на эти обстоятельства, адресат читает строки снова и снова, пытаясь найти в них хоть какое-нибудь утешение:

(3) Obwohl ich den Brief mehrmals las, nach Worten suchte, die ich in der *ersten* Aufregung überlesen zu haben fürchtete, und obwohl all meine Versuche, etwas Gutes für mich herauszulesen, misslangen, glaubte ich *einige* Hoffnungen in ihn setzen zu können, denn man lud mich ein, zum Werk herauszukommen und mich vorzustellen / Хотя я несколько раз прочел письмо в поисках слов, которые мог пропустить в состоянии *первого* волнения, и хотя все мои попытки найти в написанном что-нибудь хорошее не оказались успешными, все же мне показалось, что я могу возложить на него *некоторые* надежды, поскольку меня пригласили прийти на завод и рассказать о себе.

Характеризирующее слово *erst* показывает, с одной стороны, смятенное состояние чувств рассказчика, осознание всех последствий ситуации, а с другой — умение владеть собой и сохранять силу духа: в нелегком психологическом состоянии, преодолев «*первое* волнение», он вместо одной «*новой* надежды» (*neue* Hoffnung) находит в читаемых строках «*некоторые* надежды» (*einige* Hoffnungen). Очевидно, что эпитеты *neu* и *einige* выражают разную степень уверенности в своих перспективах, но в данной ситуации словосочетание *einige* Hoffnungen предпочтительнее, поскольку оно называет неединичное явление. Много надежд, даже самых неопределенных, — иногда лучше, чем одна.

Описание фабрики, куда был приглашен главный герой, как видится, имеет символическое значение: *ein lang gestrecktes flaches Gebäude, eine hohe Backsteinmauer* (*вытянутое в длину плоское* здание, *высокая* кирпичная стена).

Уточняющие слова *lang gestreckt, flach, hoch* конструируют образ пространства, у читателя возникает впечатление перемещения по длинному тоннелю. Темно, идет снег, нет ни одного встречного. *Высокая кирпичная* стена кажется угнетающей и бесконечной. Вид фабричного здания и стены, с одной стороны, как бы усиливают безнадежность этого визита, а с другой — окружавшую одинокого путника темноту помогают преодолеть *электрические лампы (elektrische Bogenlampen)*, освещающие дорогу. Есть свет, пусть даже созданный человеческими руками, — значит, можно добраться до конца, до цели. Неяркое освещение гармонирует с неопределенными надеждами, оставшимися у рассказчика, помогает им не угаснуть.

В конце пути героя ожидает некоторое разочарование из-за ситуации, описанной посредством следующих эпитетов: *eine schwache elektrische Bir-*

не (*тусклая электрическая* лампочка), *ein alter, mürrischer Mann* (*пожилой, ворчливый* мужчина), *ein schübiger Holztisch* (*покосившийся* стол).

Получается, что освещение меняет свое качество: более мощные на протяжении всей дороги лампы превращаются в одну слабую. Значит, и надежды рассказчика изменяются: они преобразуются в одну-единственную надежду, вероятно, тоже более слабую. Кроме света *тусклой электрической* лампочки, перемене настроения способствует и вид привратника, *пожилого и ворчливого* мужчины, сидящего за *покосившимся* столом. Образ сторожки и ее владельца, отреагировавшего на визит посетителя раздражением, вызывают вопрос: не конец ли это долгого одинокого и в итоге напрасного пути? Однако упоминание имени Вильденберга заставляет сторожа переменить отношение к запоздавшему гостю: в нем чувствуется одновременно и *мягкая* насмешка (*sanfter Spott*), и *профессиональное* сочувствие (*berufsmäßiges Mitleid*). Насмешка появляется, очевидно, потому, что привратник знает, что Вильденберг еще на рабочем месте, но пройти к нему нельзя. Таким образом «*мягко*» принижается статус рассказчика и подчеркивается важность Вильденберга. А сочувствие связано с пониманием того, как сложно простому человеку попасть на встречу к столь значимой персоне — Вильденбергу.

По-видимому, по причине все той же участливости — теперь уже одновременно и к рассказчику, и к Вильденбергу — сторож сообщает, насколько много работы у последнего. Этот *великий* человек (*dieser große Mann*) несет на себе тяжелое бремя своих обязанностей и принимает свои решения в *молчаливом* одиночестве (*schweigende Einsamkeit*) за *далекими* дверями (*ferne Türen*). Эпитет *великий* придает, безусловно, значимость и важность описываемой персоне. Признанию величия способствует также и невозможность попасть к нему на прием в данное время, хотя в письме имеется приглашение. Способность и право решать сложные вопросы в одиночестве — признак всемогущества, большого ума, а уточняющее слово *молчаливый* наводит на мысль о секретности и сохранении в тайне информации о подписанных документах. К тому же Вильденберг постоянно находится за *далекими* дверями, вне пределов досягаемости для всех желающих.

В конце встречи сторож рекомендует рассказчику прийти еще раз завтра и квалифицирует свои слова как *единственный* совет (*der einzige Rat*). Эпитет *единственный* характеризует только один возможный, ничего не обещающий, выход из имеющейся ситуации и еще усиливает эмоциональное напряжение мужчины, который с крошечным проблеском надежды вынужден был так и поступить.

На следующее утро рассказчик снова идет на фабрику. И снова уличные лампы выполняют важную функцию символа света: они еще горят.

Значит, надежда еще есть. И охранник встречает своего знакомого дружелюбно, как будто уже ждет его. После достаточно *продолжительного* разговора по телефону (*telefonierte längere Zeit*) привратник сообщает со *счастливым* усердием (*mit glücklichem Eifer*), что ему удалось узнать, куда все же можно пройти рассказчику. Очевидно, что первое из уточняющих прилагательных в очередной раз подчеркивает, как сложно встретиться с Вильденбергом по причине его занятости; а второе — насколько этот пожилой мужчина — по существу мелкий служащий — рад работать на одном предприятии со столь значимым человеком и быть хотя бы чем-то ему полезным. Рвение и энтузиазм сторожа помогают рассказчику испытать чувство радости и сделать еще один шаг к достижению желаемой цели.

Положительные эмоции поддерживает секретарша доктора Сетцки, *бойкая* и *худая* (*forsch, mager*). Мимолетное описание фигуры девушки указывает на ее подвижность, энергичность, способность выполнять поручения быстро. Здесь присутствует резкий контраст по сравнению со сценой у домика сторожа, даже не впустившего рассказчика внутрь после первого краткого знакомства и несмотря на дружелюбный прием. Секретарь же предлагает чашку только что заваренного ею чая, что рассказчик счел за *добрый* знак (*gutes Zeichen*). В некоторые моменты жизни малейшее внимание со стороны другого человека — пусть даже и в соответствии с его прямыми служебными обязанностями — заставляет думать о хорошем и верить в свои силы. Так и рассказчик вдруг избавляется от страхов и чувствует такую уверенность, что решается предложить девушке одну из *двух* своих сигарет (*eine von meinen beiden Zigaretten*). Этим он выражает благодарность за *добрый* знак с ее стороны, и ему не жаль поделиться почти последним, что у него есть.

Наконец приходит с большим опозданием доктор Сетцки. Извиняясь за непунктуальность, он ссылается на Вильденберга, *великого одинокого* работника (*der große einsame Arbeiter*), который никому не дает покоя, постоянно переспрашивает и перепроверяет *все* дела (*alle Dinge*) по несколько раз, вследствие чего просто невозможно придерживаться *точного* расписания (*genauer Tagesplan*). Приведенные эпитеты, с одной стороны, подчеркивают ответственность, основательность и тщательность Вильденберга, бывшего в курсе всего происходящего на фабрике, а с другой — выражают скрытую иронию: как можно описывать его с помощью слов «*великий одинокий* работник», если с ним рядом постоянно кто-либо находится? Кроме того, Вильденберг должен понимать, что у каждого сотрудника свой рабочий график и ему не следует держать других работников при себе. Естественно, у рассказчика нет времени над этим подумать, и после слов доктора Сетцки он испытывает *некоторый* ужас (*ein wenig Furcht*)

из-за того, что ему через *несколько секунд* (*in wenigen Sekunden*) нужно предстать перед таким серьезным человеком. С точки зрения выразительных средств языка здесь является примечательным, что и высшая степень страха, и количество времени описываются посредством одной и той же лексемы *wenig*. По-видимому, автор стремился таким образом показать, как все в жизни переменчиво и насколько соизмеримы чувства и время.

Доктор Сетцки провожает рассказчика в кабинет доктора Петерсена, *правой* руки Вильденберга (*die rechte Hand Wildenbergs*), который должен открыть перед ним *все следующие двери* (*alle weiteren Türen*) к *великому человеку* (*der große Mann*). Напряжение посетителя нарастает, поскольку доктор Петерсен — непосредственно приближенный к Вильденбергу человек, «последняя преграда», которую нужно преодолеть на своем пути. Рассказчик понимает, насколько сильно он сейчас полностью зависит от этой *правой* руки, которая, возможно, при положительном исходе встречи распахнет для него все оставшиеся двери. К тому же наличие такого помощника у Вильденберга еще раз подчеркивает чрезвычайную важность присутствия последнего на фабрике. Эпитеты, использованные доктором Сетцки, на первый взгляд, производят впечатление на слушателя, все больше внушая ему мысли о величии Вильденберга. Кроме того, доктор Сетцки с *большим* восхищением (*mit großer Bewunderung*) описывает умение Вильденберга выбирать людей, однако, уходя, он мимоходом кладет руку на плечо своего спутника. И здесь уже закрадывается сомнение, настолько ли велик Вильденберг, как о нем привыкли говорить, или же доктор Сетцки таким образом выражает свою поддержку рассказчику с тем, чтобы подбодрить и придать ему сил перед встречей?

Оставшись в одиночестве, посетитель размышляет над словами Сетцки, вспоминает тон его голоса и осознает, что в восхищении скрывается *тайная* ирония (*heimliche Ironie*). Разумеется, он не знает, с чем это связано и как все можно объяснить, но сомнение, появившись, продолжает укрепляться. Так ли велик авторитет этого постоянно работающего человека? Или же за громким именем скрываются абсолютно другие качества?

Следующая сцена — встреча с доктором Петерсеном, богатырем с *водянистыми* глазами (*ein Hüne mit wässerigen Augen*). Эпитет *водянистый* характеризует важную часть тела человека, способную рассказать многое о своем обладателе. В данном случае цвет глаз можно интерпретировать как бесцветный, а взгляд — отчасти пустым. Можно предположить, что доктор Петерсен не имеет выдающихся способностей, а занимаемого положения он добился благодаря своей напористости и трудолюбию. Добившись желаемого, он ничего не хочет менять в жизни. Возможно, по этой причине он заставляет себя ждать, придавая тем самым важность и своей

фигуре, и дает соответствующий инструктаж посетителям — сократить время пребывания у Вильденберга до минимально возможного, — чтобы сохранить его авторитет в их глазах. Кроме того, богатырское телосложение подкрепляет его слова. Именно такое сочетание внешних качеств и делает его *правой* рукой Вильденберга: знающим помощником и одновременно «преградой», которую нужно успешно миновать. Доктор Петерсен непременно хочет, чтобы его словам подчинялись, вследствие чего не стесняется лишний раз о них напомнить, в частности, посредством *поспешных* жестов (*hastiges Zeichen*). Для посетителя такие жесты — психологический стимул именно для недолгой беседы с Вильденбергом, а для Петерсена — тайный знак его власти над пришедшими.

И вот долгожданная встреча с Вильденбергом. Она сразу начинается с контраста между услышанным ранее и сейчас: посетителя приглашает подойти поближе *дружелюбный* и *слабый* голос (*eine freundliche, schwache Stimme*). Первый эпитет представляется вполне уместным, так как расположение, благосклонность и доброжелательность по отношению к другому могут быть неотъемлемыми качествами *великого* и значимого человека. Второе из характеризующих слов никак не может быть связано с внушенным рассказчику представлением о Вильденберге: откуда у столь важной персоны слабость? Образ дорисован еще несколькими деталями: *маленький, страдальчески улыбающийся* мужчина (*ein kleiner, leidvoll lächelnder Mann*), сидящий в углу за *гигантским* столом (*ein riesiger Schreibtisch*). И здесь очередное противоречие: *малый* рост, конечно, не влияет на деловые качества, но выражение лица как часть образа вызывает недоумение. Интересно, что автор при описании голоса и внешности выбирает параллельно соотносимые эпитеты: *дружелюбный* — *маленький* и *слабый* — *страдальчески улыбающийся*. Первая пара слов не усиливает, но и не разрушает образ *великого* Вильденберга (*der große Wildenberg*), а вторая — формирует образ уставшего, неприметного человека. Кроме того, незначительность данной персоны на фабрике подчеркивает ее размещение в углу большой комнаты за *гигантским* столом. Размер и комнаты, и стола как будто заставляют Вильденберга потеряться. Такое впечатление поддерживается упоминанием пенсне *без оправы* (*ein randloser Zwicker*). Этот предмет гардероба, кажется, делает фигуру своего хозяина еще менее заметной, поскольку ее некоторая часть — из той, что видна над столом, — скрывается за не имеющим границы стеклом, становится более неопределенной и расплывчатой. Вильденберг, как выясняется, имеет проблемы со здоровьем, о чем свидетельствует его *подагрическая* рука (*eine gichtige Hand*). На основе этого эпитета можно предположить, что это уже немолодой мужчина, страдающий хроническими заболеваниями.

И где же *великий* Вильденберг?

Во время беседы обнаруживается, что на самом деле Вильденберг — робкий, одинокий человек, находящийся все время в этой комнате за *пустым* письменным столом (*der leere Schreibtisch*). Последнее обстоятельство говорит о том, что работа — лишь видимость, никакие важные дела он ни с кем не обсуждает. К тому же он устал от одиночества, ему хочется поговорить, при этом в качестве темы для разговора он выбирает историю фабрики. Он провел, по-видимому, здесь всю жизнь, является руководителем предприятия и поэтому все дни проводит в кабинете. Рассказчик несколько раз вспоминал совет доктора Петерсена, порывался уйти, однако Вильденберг всякий раз просил остаться и неустанно жаловался на свое одиночество. Так прошло несколько часов.

И вот финал повествования. Вся абсурдность ситуации и неожиданная развязка истории заключаются в последнем абзаце: рассказчик узнает, что Вильденберг вообще не видел его документы! Ему лишь изредка приносят что-либо на подпись, да и то с целью, чтобы он не чувствовал себя так одиноко. Кроме того, документы сразу же забирают, не дав времени изучить их. Скорее всего, он не глядя подписал и приглашение на собеседование рассказчику. В конце Вильденберг шепчет своему гостю, что ему следует по поводу работы поговорить с доктором Сетцки, которого можно найти через привратника. Этим окончательно развенчивается образ величия руководителя, оказавшегося ненужным, незаметным, не обладающим настоящей властью на своей фабрике.

4. Заключение

Итак, преувеличенное почтение к вышестоящим, чинопочитание часто приводит к неправильному о них представлению, что и нашло отражение в рассказе Зигфрида Ленца. Для определения границ авторитета и создания образа важную роль играют эпитеты, которые могут относиться к разным семантическим и структурным типам.

С учетом функциональных характеристик использованные автором уточняющие слова относятся к двум группам: изобразительные (например: *hohe Bachsteinmauer*, *ferne Türen*, *ein kleiner Mann*, *ein riesiger Schreibtisch*) и эмоциональные (например: *neue Hoffnung*, *glücklicher Eifer*, *gleichgültige Höflichkeit*) эпитеты. Число слов, подчеркивающих существенные признаки, немногим превышает количество лексем, описывающих эмоции: 23 и 18 единиц соответственно.

С учетом способа номинации в тексте можно выделить эпитеты с прямым значением (например: *gichtige Hand*, *ein mürrischer Mann*) и тропеические (например: *rechte Hand*, *heimliche Ironie*, *sanfter Spott*). При этом

первые существенно преобладают над вторыми: 28 лексем с прямым и 13 с переносным значением.

По семантическому параметру в рассказе выделены оценочные (например: *einzig*er Rat, *berufsmäßiges* Mitleid, *genauer* Tagesplan) и психологические (например: *ein großer* Mann, *randloser* Zwicker, *leerer* Schreibtisch, *wenige* Sekunden) эпитеты. Лексические единицы, служащие для более сильной актуализации определенного признака — психологические эпитеты, — превосходят лексем с оценочной семантикой: 31 и 10 слов соответственно.

С учетом структурной организации представляется возможным говорить о наличии в рассказе простых (например: *hastiges* Zeichen, *wässerige* Augen, *gutes* Zeichen) и расширенных (например: *lang gestrecktes* Gebäude, *leidvoll lächelnder* Mann) эпитетов. Расширение эпитета за счет вхождения в него грамматически зависимых слов отмечено только в двух случаях.

Если говорить о типологии эпитетов в зависимости от степени устойчивости образуемых ими коллокаций, то надо заметить, что автор предпочитает использовать свободные эпитеты (например: *elektrische* Bogenlampen, *weitere* Türen). Эпитетов, входящих в состав фразеологических клише, обнаружено 7 единиц (например: *rechte* Hand, *sanfte* Ironie, *großer* Mann).

С точки зрения стилистики все эпитеты относятся к книжной речи, а по степени освоенности — к общеязыковым.

Очевидно, что многообещающий эпитет *groß*, вынесенный автором в заголовок рассказа, не оправдывает ожидания читателя: великий Вильденберг оказывается на самом деле неприметным, одиноким и болезненным человеком. Служащие же все время дают своему руководителю совершенно не соответствующее действительности описание, поскольку, оставаясь всего лишь людьми со своими слабыми и сильными сторонами, они в любой ситуации стремятся извлечь для себя выгоду.

Источники

1. Lenz S. Der große Wildenberg / S. Lenz // Deutsche Kurzprosa : рассказы немецких писателей : книга для чтения на немецком языке [Electronic resource] / авт.-сост. Е. А. Жеребина. — Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — С. 49—53.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбулатова Г. Г. Эстетические возможности прилагательного-эпитета в его узком и широком применении / Г. Г. Байбулатова // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14, № 3. — С. 814—816. — ISSN: 1998-4812.

2. Баталова Т. К. Поэтика эпитетов лирики Махджур Ширвани / Т. К. Баталова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадско-

го. Серия: Филология. Социальные коммуникации. — 2011. — Т. 24 (63), № 3-2. — С. 105—110.

3. Берлова С. А. Персонафикация как прием конструирования эпитетов о природе (на материале романа «Джейн Эйр») / С. А. Берлова // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. — 2015. — № 9. — С. 6—10.

4. Горелкина А. В. Сложные окказиональные эпитеты в мемуарной прозе А. Белого / А. В. Горелкина // Вестник Московского городского педагогического университета. — 2010. — № 2. — С. 30—35. — ISSN: 2074-7829.

5. Иванова Р. П. Перцептивный синестетический эпитет как средство вербализации внутреннего мира человека / Р. П. Иванова // Внутренний мир человека : эмоции, когниция, коммуникация : материалы Всероссийской конференции памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента СО АН Высшей школы России Юрия Марцельевича Малиновича. — Абакан : Хакассский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2017. — С. 95—102.

6. Исаева И. П. Теории смысла в лингвокогнитивных и лингвoseмантических концепциях / И. П. Исаева // Общетеоретические и типологические проблемы : сборник научных статей. — Бийск : АГАО, 2013. — С. 26—31.

7. Козлова Р. П. Система языка и эпитет (на материале произведений С. Н. Сергеева-Ценского) / Р. П. Козлова // Вестник Тамбовского университета. — 2001. — № 3—5 (23). — С. 8—10.

8. Любовская О. Л. Типы семантических отношений между компонентами двуступенчатого эпитета и способы его перевода на русский язык / О. Л. Любовская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2001. — № 3. — С. 134—139. — ISSN: 1813-1921.

9. Масленникова К. И. Стилистические особенности цветového эпитета в романе Колетт «Le blé en herbe» («Ранние всходы») / К. И. Масленникова // Studia linguistica. — 2010. — № XIX. — С. 178—183.

10. Молчанова С. Е. Особенности употребления эпитетов в произведениях Сидни Шелдона / С. Е. Масленникова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 12—1. — С. 156—159. — ISSN: 2073-0071.

11. Попова А. И. Лингвостилистические особенности «текстовой живописи» А. Мишо: незрительность эпитетов / А. И. Попова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена Аспирантские тетради (Общественные и гуманитарные науки). — 2008. — № 33 (7), ч. 1. — С. 355—359.

12. Свидерская В. Л. Модально-модусные значения возможности и необходимости в нарративном дискурсе современного немецкого языка (на материале произведений Зигфрида Ленца) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. Л. Свидерская. — Иркутск, 2004. — 191 с.

13. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном тексте романтической поэзии / Т. М. Фадеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2010. — № 3. — С. 46—51. — ISSN: 2072-8522.

14. Фадеева Т. М. Взаимодействие сложного эпитета в художественном тексте с другими средствами выразительности / Т. М. Фадеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2011. — № 4. — С. 47—54. — ISSN: 2072-8522.

15. Фадеева Т. М. Структурные особенности окказиональных сложных эпитетов / Т. М. Фадеева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6—2. — С. 680—683. — ISSN: 1993-1778.

16. Фадеева Т. М. Семантическое своеобразие колоративных сложных эпитетов / Т. М. Фадеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2011. — № 5. — С. 40—45. — ISSN: 2072-8522.

17. Фадеева Т. М. Сложный эпитет — ядерная единица художественного пространства в русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. М. Фадеева. — Москва, 2014. — 43 с.

18. Koryakina R. Peculiarities of the Color Epithets Functioning in the Yakut Heroic Epic Olonkho / R. Koryakina // Journal of History Culture and Art Research. — 2018. — Vol. 7, №. 4. — P. 245—256. — DOI: 10.7596/taksad.v7i4.1842.

MATERIAL RESOURCES

Lenz, S. Der große Wildenberg. In: Zhrebina, E. A. (ed.). (2011). *Deutsche Kurzprosa: stories of German writers*. Sankt-Peterburg: Publisher RGPU im. A. I. Gertsena. 49—53. (In Russ.).

REFERENCES

Baybulatova, G. G. (2009). Aesthetic possibilities of the adjective-epithet in its narrow and wide applications. *Bulletin of the Bashkir University*, 14 (3): 814—816. ISSN: 1998-4812. (In Russ.).

Batalova, T. K. (2011). Poetics of the epithets of the lyrics of Mahjor Shirvani. In: *Scientific notes of the Tavrichesky National University named after V. I. Vernadsky. Series: Philology. Social communication*, 24 (63)/3-2: 105—110. (In Russ.).

Berlova, S. A. (2015). Personification as a device of building nature epithets (the case study of the novel “Jane Eyre”). In: *Word. Sentence. Text: analysis of linguistic culture*, 9: 6—10. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2010). Complex epithet in fictional text of romantic poetry. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3: 46—51. ISSN: 2072-8522. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2011). Semantic originality of color complex epithets. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 5: 40—45. ISSN: 2072-8522. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2011). Structural features of occasional complex epithets. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*, 6—2: 680—683. ISSN: 1993-1778. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2011). The interaction of a complex epithet in a literary text with other means of expression. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 4: 47—54. ISSN: 2072-8522. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2014). *Complex epithet — the nuclear unit of artistic space in Russian: author's abstract of PhD Diss.* Moscow. 43 p. (In Russ.).

Gorelkina, A. V. (2010). Complex occasional epithets in A. Bely's memoir prose. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University*, 2: 30—35. ISSN: 2074-7829. (In Russ.).

Isaeva, I. P. (2013). Theories of meaning in linguo-cognitive and linguo-semantic concepts. In: *General theoretical and typological problems: collection of scientific articles*. Biysk: AGAO. 26—31. (In Russ.).

- Ivanova, R. P. (2017). Perceptual synesthetic epithet as a means of verbalizing the inner world of a person. In: *The inner world of a person: emotions, cognition, communication: materials of the All-Russian conference in memory of Doctor of Philology Yuri Martseyevich Malinovich*. Abakan: Khakass State University N. F. Katanova. 95—102. (In Russ.).
- Koryakina, R. (2018). Peculiarities of the Color Epithets Functioning in the Yakut Heroic Epic Olonkho. *Journal of History Culture and Art Research* 7 (4): 245—256. DOI: 10.7596/taksad.v7i4.1842.
- Kozlova, R. P. (2001). The system of language and epithet (the case study of the works of S. N. Sergeev-Tsensky). *Tambov University Bulletin*, 3—5 (23): 8—10. (In Russ.).
- Lyubovskaya, O. L. (2001). Types of semantic relations between the components of a two-stage epithet and ways of translating it into Russian. *Bulletin of St. Petersburg University. Series I. Philology. Oriental studies. Journalism*, 3: 134—139. ISSN: 1813-1921. (In Russ.).
- Maslennikova, K. I. (2010). Stylistic features of the color epithet in the novel by Colette “Le blé en herbe” (“Early shoots”). *Studia linguistica, XIX*: 178—183. (In Russ.).
- Molchanova, S. E. (2015). Features of the use of epithets in the works of Sydney Sheldon. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 12—1: 156—159. ISSN: 2073-0071. (In Russ.).
- Popova, A. I. (2008). Linguo-stylistic features of “text painting” by A. Michaud: the lack of visibility of epithets. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 33 (7)/1: 355—359. (In Russ.).
- Sviderskaya, V. L. (2004). *Modal-modus meanings of the possibility and necessity in the narrative discourse of the modern German language (a case of the works of Siegfried Lenz)*: PhD Diss.. Irkutsk. 191 p. (In Russ.).